

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ
НАРКОМАНИЕЙ

«НАРКОМ»

**Мкртычян
Арег Артавазович,**
кандидат психологических
наук, доцент кафедры
клинической психологии
РНИМУ им. Пирогова

Террористический акт – это абсолютно специфический тип преступления. Одной из его особенных характеристик являются последствия, которые влечет за собой как само преступление, так и его некомпетентное освещение в СМИ. И в данном случае речь идет не о физических жертвах и материальных потерях, а о более масштабных и пролонгированных социальных последствиях. Террористические акты, отражаясь на сознании обывателей, формируют различного рода стереотипы и поведенческие диспозиции, которые отличаются крайней агрессивностью и даже экстремистскими и националистическими тонами. Можно сказать, что в результате террористических актов в сознании людей происходит резкое разделение на «Своих» и «Чужих». При этом подобное разделение не ограничивается лишь процессами идентификации, но и предполагает жесткие негативные поведенческие реакции в отношении «Чужих».

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ВОСПРИЯТИЕ ТЕРРОРИЗМА
В ОБЩЕСТВЕ
(ЧАСТЬ 2) 1

Начало в № 10, 2015

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ВОСПРИЯТИЕ ТЕРРОРИЗМА В ОБЩЕСТВЕ

(часть 2)

Последствия террористического акта не являются равнозначными по своему характеру и степени проявления, но, тем не менее, в своей совокупности они представляют систему, в которой последствия разного вида и уровня взаимосвязаны между собой. Т.е., последствия, проявляющиеся на личностном уровне, ведущие к изменению личностных характеристик или поведения могут представлять собой основу для формирования последствий террористического акта социального характера. Одним из последствий террористического акта следует считать изменения в обыденном сознании, связанные с оценением различных целых групп, подразделенных по многочисленным основаниям. Мы намеренно выделяем данный вид психологических явлений из категории личностных, т.к. сами по себе они являются основанием для формирования последствий не столько индивидуального характера, сколько социального, определяющего систему и направленность отношения субъекта. Прежде всего, речь идет о формировании устойчивых стереотипов и системы оценивания, определенной в работе как система «Свои – Чужие», которая представляет собой основу для формирования социально опасных явлений, таких как национализм, ксенофобия и экстремизм. Согласно гипотезе, оценивание других объектов происходит у индивида в трех плоскостях: аффективной, когнитивной и поведенческой (речь идет о формировании поведенческих диспозиций относительно оцениваемых объектов). Важно отметить, что перечисленные плоскости оценивания определяют не только процесс восприятия других людей и характер дальнейшего взаимодействия с ними, но и степень их принятия или не-

приятия в личностной системе «Свои – Чужие», которая основывается на ценностно-нормативной сфере самого респондента, включая в себя определенные моральные нормы, религиозные догмы и социальные правила. Предполагаемая структура, включающая в себя перечисленные плоскости оценивания и восприятия, наиболее близка по своей сути к структуре отношений личности Мясищева В.Н. (эмоциональный компонент, мотивационно-поведенческий и когнитивный компоненты). Представленная им система формирует у человека субъективное отношение ко всем сторонам окружающей его действительности, в т.ч. к другим объектам и ситуациям. Отметим, что применяемое понятие системы «Свои – Чужие» носит условный характер, объединяя в себе также всю совокупность признаков, критериев, атрибутов, принципов и т.д., к которой обращается человек в процессе оценивания или идентификации себя с другими людьми, равно как и с целыми группами. Система («Свои – Чужие») рассматривается как относительно неизменная и инвариантная, т.к. представляет собой базовую структуру категорий, лежащих в основе восприятия и оценивания объектов. Но, при инвариантности самой категориальной системы, предполагается, что сами оценки в рамках той или иной представленной области оценивания лабильны. Направленность оценок и степень их трансформации зависит от целого ряда как внешних, так и личностных факторов. Здесь можно отметить как особенности самой личности, определенные акцентуации, так и характер воспринимаемой информации о различных ситуациях, происшествиях и объектах (в частности, в нашем случае, речь идет о террористических актах, самих тер-

рористах, различного рода меньшинствах, как, впрочем, и о государственных структурах).

Одной из целей данного этапа исследования является выявление структуры базовых категорий (факторов), на основании которых в обыденном сознании происходит оценивание других объектов, в том числе и представителей различных групп (религиозных, национальных, социальных и т.д.). В связи с этим, в качестве одного из инструментов исследования, направленного на выявление психологических последствий был использован опросник на базе семантического дифференциала. Прежде всего, потому что оценивание объектов и формирование своего отношения к ним происходит в обыденном сознании на основании многочисленных поверхностных черт. Это и социальная принадлежность, и религиозная, и идеологическая и т.д. Данные поверхностные черты всегда объединены в базовые категории, факторы, которые и представляют собой основу системы оценивания. Для выявления данных факторов и была использована процедура шкалирования, в которой приняли участие все респонденты. Отметим, что данная процедура не сопровождалась просмотром видеосюжетов, т.к. было важно выделить именно саму систему оценивания, для дальнейшей проверки гипотезы о влиянии видеосюжетов на степень оценивания отдельных значимых объектов. С другой стороны, необходимо было смоделировать у респондентов негативное эмоциональное состояние, частично аналогичное тому, которое возникает при упоминании о террористических актах, жертвах и т.д., но, еще раз уточним, без предъявления видеосюжетов. Для этого (опираясь на положения ТМТ), перед процедурой шкалирования, респондентам предлагалось пройти анкетирование. С этой целью была составлена анкета, содержащая несколько блоков, каждый из которых был направлен на реализацию определенных целей исследования. Помимо этого, полученные в ходе анкетирования данные, позволили выявить специфические характеристики выборки, иллюстрирующие особенности отношения респондентов к терроризму и трансляции информации о нем в СМИ.

Упоминание о смерти, уязвимости или опасности формирует у человека целый комплекс негативных состояний, связанных, прежде всего, с актуализацией страха смерти. Подобная актуализация страха смерти и мыслей о ней влечет за собой формирование не только стойких негативных эмоциональных состояний, но и когнитивных, равно как и поведенческих диспозиций. На проверку данных предположений был направлен первый блок анкеты, который содержал различные вопросы, объединенные темой смерти, бренности существования и уязвимости человека. С другой стороны, была сформулирована гипотеза о наличии у наблюдателя стойких предпочтений относительно самого формата, содержания, характера новостных сюжетов о террористическом акте, а также – образа коммуни-

катора, т.е. персоны, передающей подобную информацию населению. Выявление данных предпочтений представляется особенно важным, т.к. при любом, даже научном подходе к процессу коммуникации с населением в чрезвычайных ситуациях, в т.ч. и во время или после террористического акта, необходимо учитывать данные предпочтения, способные повлиять на развитие или редукцию негативных психологических последствий терроризма. Отметим также, что необходимость проведения анкетного опроса позволяло нам сформировать своеобразный усредненный «портрет» человека как потребителя информации. Помимо этого, одним из последствий террористического акта является и формирование отношения к терроризму и противодействующим ему структурам. Подобное отношение не является однозначным и его полюсность зависит от множества факторов. В частности, не любой террористический акт, классифицируемый как терроризм в сфере уголовного права, аналогично трактуется и простым наблюдателем, отношение которого включает в себя, прежде всего, эмоциональную составляющую. При этом, на обывательской классификации и оценке преступления часто основывается и отношение к самому преступлению и тем, кто его совершил. Возможны ситуации, когда степень положительного, сочувствующего отношения террористам (а такое возможно) в обществе обратно пропорциональна степени негативного отношения к государству и структурам, его представляющим (прежде всего силовым ведомствам). Таким образом, мы выдвинули гипотезу о том, что в зависимости от того, каким образом освещен террористический акт, его последствия и действия чрезвычайных служб, будет формироваться отношение общества ко всем участникам данного процесса, что, соответственно, может негативно или позитивно сказаться на динамике последствий. Также предполагается, что помимо вышеуказанных факторов, на отношение к терроризму влияет статус жертв преступления. Т.е., чем положительнее отношение индивида к людям, пострадавшим в результате террористического акта, тем жестче будет оценено и само преступление, и мера наказания за него. При этом, характеристики жертвы могут повлиять не только на оценку террористического акта, но и на статус этой акции, которая может быть оценена не как преступная, а, например, вынужденная, оборонительная и т.д. А сам террористический акт трансформируется в сознании наблюдателя в «акцию протеста», «борьбу за независимость» и т.д.

На первом этапе исследования для проверки поставленных гипотез были использованы процедура шкалирования (метод семантического дифференциала) и анкетирование.

Второй этап исследования был направлен на проверку гипотезы о том, что при инвариантности самой системы оценивания оценки отдельных объектов могут варьировать в зависимости от эмоционального состо-

яния наблюдателя. Речь идет, прежде всего, о наличии у человека таких негативных состояний, как страх, презрение, беспокойство и т.д. В исследовании ключевое место отводится именно страху смерти, актуализирующему вследствие просмотра репортажей о террористическом акте. Следует уточнить, что на эмоциональное состояние респондента, с нашей точки зрения, будет оказывать влияние не сам факт просмотра видеосюжета о террористическом акте, а его отдельные характеристики, в частности – детальность и эмоциональная насыщенность. В понятие «эмоциональная насыщенность» мы включаем такие признаки, как наличие подробного рассказа участников и очевидцев террористического акта, демонстрация самих событий, кадров, в которых присутствует изображение жертв и самих террористов. В рамках данного этапа респондентам предлагалось оценить 9 объектов, являющихся представителями тех или иных социальных групп. Для шкалирования объектов использовались 22 утверждения, объясняющие большую часть дисперсии по выделенным на первом этапе факторам. Нас интересовало не изменение самих категорий, которые предполагаются инвариантными, а изменение оценки объектов в системе данных категорий. Помимо повторного использования метода семантического дифференциала на данном этапе работы применялись и психологические опросники SCL – 90 (опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики, применяемый для диагностики ПТСР), ВРАQ (методика Басса и Перри, используемая для диагностики склонности к агрессии), ЛА – 44 (опросник диагностики легитимизированной агрессии), для выявления и фиксации, собственно, психологического состояния и степени выраженности отдельных личностных характеристик респондентов, таких как тревожность, фобические состояния, враждебность, агрессивность, межличностная сензитивность (подозрительность в общении, прогнозирование негативного исхода общения и т.д.), а также степень принятия легитимизированной агрессии. Для проверки предположения о наличии влияния видеосюжета на формирование определенного комплекса психологических последствий необходимо было сначала выделить показатели (по всем применяемым методикам), полученные без внешнего стимулирования (т.е. - без предъявления видеосюжетов). Совокупность данных показателей рассматривалась как своеобразная система отсчета, по которой и проводились все дальнейшие сравнения полученных, на третьем, завершающем, этапе результатов.

Второй и третий этапы исследования объединены общими целями и направлены на проверку гипотезы о влиянии как самого видеосюжета, так и его отдельных характеристик на формирование негативных психологических состояний и диспозиций к девиантному, в т.ч., и агрессивному поведению. В связи с этим, на третьем этапе исследования, процедуре шкалирования и рабо-

те с психологическими опросниками (SCL – 90, ВРАQ, ЛА – 44) предшествовал показ видеосюжетов об одном и том же террористическом акте, но с разным содержанием. А сама выборка была разделена на две группы (90 и 88 человек). Одной группе предъявлялся сюжет, в основе которого были интервью и комментарии официальных лиц. Видеоматериал был смонтирован таким образом, чтобы в нем не содержалось откровенных, шокирующих сцен с места событий (демонстрация убитых, раненных и т.д.), комментариев очевидцев, самих заложников и, собственно, террористов. Тем самым мы свели к минимуму негативное эмоциональное содержание, сделав акцент на взвешенных и сдержанных комментариях специалистов и представителей государственных структур. Второй группе предъявляли видеосюжет, содержащий минимум официальных комментариев и, преимущественно состоявший из рассказов очевидцев, прежде всего, бывших заложников, а также содержащий кадры с места событий, изображение жертв и самих террористов. Стимульным материалом для третьего этапа исследовательской работы являлись два видеоролика, специально смонтированные на основании английского документального фильма 2005 года (с русскими субтитрами) «Хроники Беслана» о террористическом акте с захватом заложников в городе Беслан (Северная Осетия) в сентябре 2004 года, продолжительностью 50 минут. Сами предъявляемые видеосюжеты по продолжительности составляли порядка 20 минут каждый. Монтировались они таким образом, чтобы один видеоролик содержал только интервью и комментарии официальных уполномоченных (сотрудники администрации, органов правопорядка и т.д.) и был максимально уравновешенным, неэмоциональным по своему содержанию (насколько это было вообще возможно, учитывая саму тему). Второй ролик помимо официальных комментариев, содержал еще и эмоциональные интервью самих заложников, а также кадры с места событий. Оба ролика были предъявлены фокус группе из 20 человек (не вошедших в основное исследование), которые, разделили их именно по основанию эмоциональной насыщенности – уравновешенности.

На первом этапе исследования нами использовалась процедура шкалирования, а именно, метод личностного семантического дифференциала. Семантический дифференциал принадлежит к методам экспериментальной семантики и является одним из методов построения семантических пространств. Метод был разработан в 1955 году группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом и получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Достоинством метода является то, что исследователь получает в пользование численно представленные стандартизированные данные. Снимается возможность ассоциаций по прин-

ципу речевых штампов. Метод семантического дифференциала позволяет измерять так называемое «коннотативное значение» – те состояния, которые следуют за восприятием символа раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами [30]. Наиболее близким аналогом коннотативного значения в понятийном аппарате отечественной психологии, в рамках системно-деятельного подхода, является категория «личностный смысл» Леонтьева А.Н., которая представляет собой единицу сознания, индивидуализированное отражение действительного отношения к объектам и целям деятельности. В методе измеряемые объекты (понятия, изображения, персонажи и т.д.) оцениваются по ряду шкал. Оценки понятий по отдельным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью факторного анализа удается выделить пучки таких высококоррелирующих шкал и сгруппировать их в факторы. Психологическим механизмом, обеспечивающим группировку шкал в факторы, Ч. Осгуд считал явление синестезии. Синестезия – психологический феномен, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителей другой модальности. Результат метода – семантическое пространство, в котором располагаются измеряемые объекты. Этап математической обработки не порождает «новое содержание», а позволяет представить исходные данные в компактной, хорошо структурированной форме, удобной для анализа и интерпретации. Математически построение семантического пространства является переходом от базиса большей размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям – факторам). Содержательно фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания шкал, входящих в фактор. В этом смысле факторы являются особой формой обобщения переменных, на базе которых строится семантический дифференциал. Метод позволяет оценивать не значение как знание об объекте, а коннотативное значение, связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими, эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало осознаваемыми обобщениями. Из единства факторных структур и, соответственно, семантических пространств, построенных на базе шкалирования понятий, вытекает важное следствие. Поскольку структура этих пространств идентична для разных испытуемых, то можно использовать результаты факторизации, полученные в одной группе, для проведения исследований с применением метода семантического дифференциала на другой группе испытуемых.

Процедура шкалирования применялась нами, в соответствии с поставленными целями и задачами, на всех трех перечисленных этапах исследования. Предварительно (на первом этапе работы), для детального исследования системы базовых категорий обыденного сознания был сформирован опросник,

содержащий 33 объекта для оценивания: *гомосексуал, наркоман, сектант, христианин, бюрократ, повстанец, атеист, буддист, сотрудник правоохранительных органов, иммигрант, националист, неформал, правозащитник, фанат, коммунист, террорист, либерал, демократ, иностранец, представитель национальных меньшинств, патриот, экстремист, космополит, экстремал, политик, мусульманин, европеец, азиат, араб, чернокожий, славянин, анархист и чиновник*. Основанием выбора именно подобных объектов является частота их упоминания в различных новостных и дискуссионных передачах («ток – шоу»), а также в сети Интернет. Помимо этого – данные объекты являются чрезвычайно знаковыми и резонансными в контексте современных российских реалий (борьба с терроризмом и экстремизмом, неоднозначное и обсуждаемое отношение общества к органам правопорядка, проблемы миграционной политики государства, религиозного и морального воспитания общества и т.д.).

Предъявленные объекты было предложено оценить по 53 утверждениям – шкалам, набор которых характеризует наиболее часто озвучиваемые в СМИ и сети Интернет позиции по отношению к перечисленным объектам.

Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с тем или иным утверждением относительно представленных объектов по 7-балльной шкале: от -3 до 3, включая 0.

В результате факторного анализа было выделено 3 фактора, из которых, первые два представляют собой систему базовых категорий оценивания объектов в перечисленных ранее плоскостях (аффективной, когнитивной и поведенческой). А третий фактор, обладающий наименьшими нагрузками, объединил в себя утверждения, характеризующие оценку респондентами политики СМИ в отношении представленных объектов. При этом, из представленных выше 53-х утверждений 22 (вошедших в состав первых двух факторов) объясняли большую часть дисперсии по указанным факторам. Они были использованы в качестве шкал на втором и третьем этапах исследования.

Также анализ корреляционной матрицы показал, что полученная факторная структура может быть воспроизведена при использовании всего 9-ти объектов из предложенных 33-х. В набор данных объектов вошли: «гомосексуал»; «христианин»; «атеист»; «сотрудник правоохранительных органов»; «иммигрант»; «националист»; «террорист»; «представитель национальных меньшинств»; «мусульманин». Представленные 9 объектов и выделенные 22 утверждения использовались в процедуре шкалирования на втором и третьем этапах исследования (рис. 8).

Также нами использовался опросник диагностики склонности к агрессивному поведению Басса-Перри. Он направлен на определение за короткий промежу-

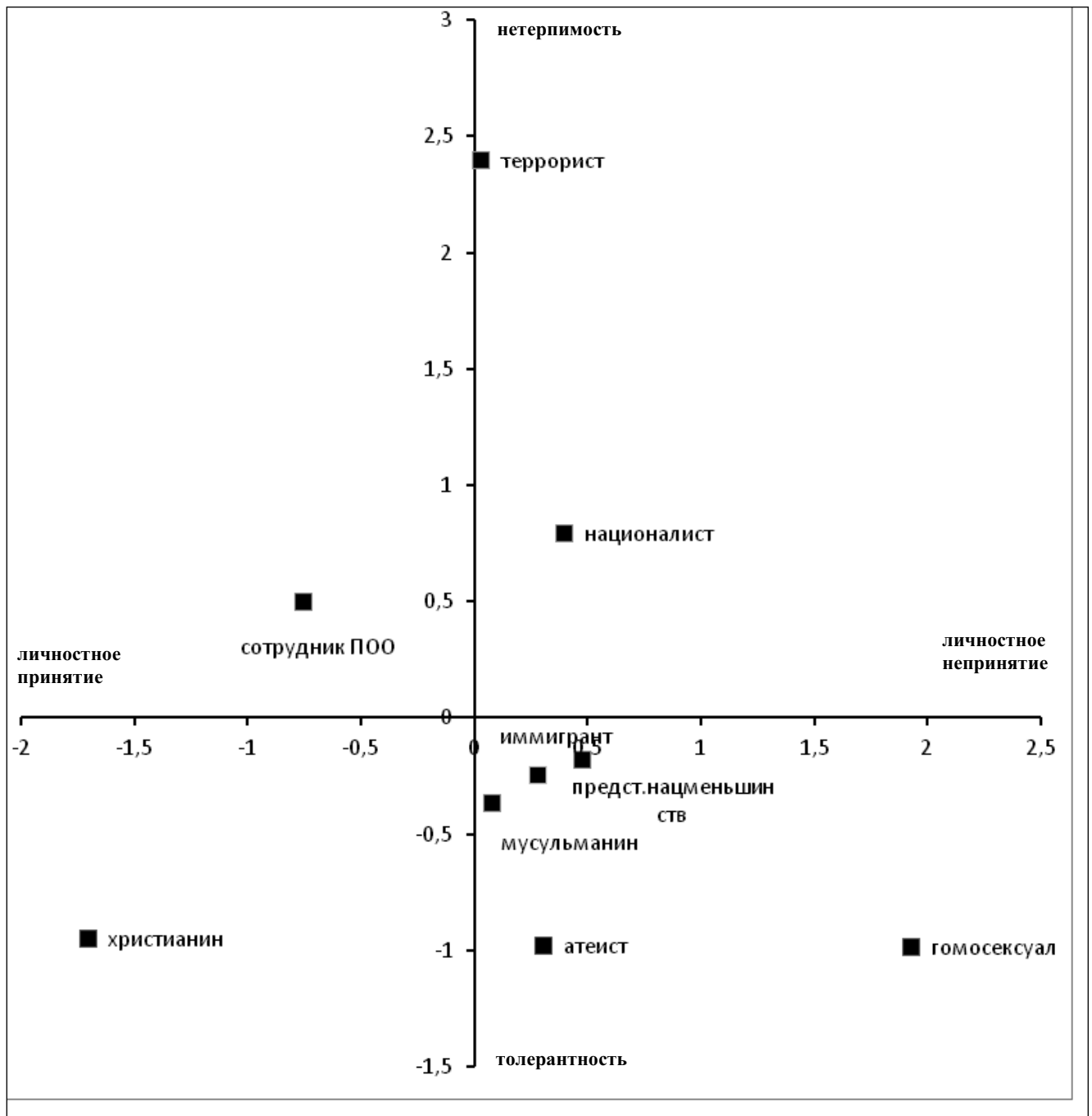

Рис. 8. Размещение объектов в пространстве факторов «Личностное неприятие – личностное принятие» и «Толерантность – нетерпимость»

ток времени предрасположенности к агрессивным формам поведения у представителей определенных групп. В основу опросника легло положение о наличии трех компонентов агрессии: инструментального компонента – физической агрессии; аффективного компонента, включающего в себя физиологическое возбуждение и подготовку к агрессии – гнева; когнитивного компонента, основанного на переживании чувства не-

справедливости и ущемленности, неудовлетворенности желаний – враждебности. Данные три компонента легли в основу шкал, представленных в опроснике. Это шкалы:

1. «Физическая агрессия» – диагностика склонности к прямому физическому инструментальному или враждебному агрессивному поведению, направленному на причинение ущерба другому лицу;

Набор предложенных утверждений на первом этапе исследования (53 шкалы)

подобные люди мне безразличны	я уважаю таких как они	это смелые и независимые личности
я стремлюсь быть похожим на них	я не понимаю их	их образ жизни неприемлем для современного светского общества
я бы хотел попасть в круг этих людей	хорошо, что в нашем обществе есть такие люди	они имеют полное право жить и думать, так как хотят
мне близки их принципы	я не против узнать их лучше	власти должны жестче поступать с подобными людьми
они совсем не похожи на таких как я	благодаря таким как они жизнь становится интереснее	их реальная опасность для общества гораздо выше, чем нам говорят
мне близок их образ жизни	у них есть чему поучиться	они такие же граждане, как и я, у них те же права
я полностью поддерживаю их во всем	я не одобряю ценностей этих людей	из-за таких, как они над нами смеются и не уважают за границей
я никогда не стану для таких как они «своим»	мне неприятны их идеи	они опасны для таких, как я
я во многом похож на них	я не понимаю, почему они себя так ведут	мы должны лояльнее относиться к подобным людям
я не имею ничего против них, но предпочитаю держаться от них подальше	меня тревожит, что с каждым днем их становится все больше вокруг	они явно злоупотребляют нашим терпением
их наличие в нашем обществе - результат дурного влияния заграницы	мне неприятен их образ жизни	их поведение порой граничит с хамством и наглостью
мне нравится то, что они декларируют и делают	мне не приятна их манера поведения, их стиль одежды	они опасны для общества
я разделяю их взгляды	я сознательно иду на конфликт с такими людьми	их следует изолировать от общества
они являют собой достойный пример остальным	я презираю таких как они	у них «нет ничего святого»
мне не понятен их образ жизни	сам факт их существования мне не приятен	это самые настоящие маргиналы
я избегаю таких людей	я считаю их абсолютно бесполезными для общества	СМИ намеренно преувеличивает их опасность для общества
среди моих знакомых никогда не будет подобных людей	они понимают демократию как вседозволенность	я считаю, что общество к ним не справедливо
я испытываю дискомфорт когда сталкиваюсь с подобными людьми	СМИ намеренно очерняют их	

Набор предложенных утверждений на втором и третьем этапах исследования (22 шкалы)

мне нравится то, что они декларируют и делают	мне неприятен их образ жизни
они совсем не похожи на таких как я	я полностью поддерживаю их во всем
мне близки их принципы	я не понимаю, почему они себя так ведут
я не одобряю ценностей этих людей	мне неприятны их идеи
они опасны для общества	я не понимаю их
я уважаю таких как они	я не имею ничего против них, но предпочитаю держаться от них подальше
я во многом похож на них	меня тревожит, что с каждым днем их становится все больше вокруг
они опасны для таких как я	они такие же граждане, как и я, у них те же права
подобные люди мне безразличны	власти должны жестче поступать с подобными людьми
их следует изолировать от общества	мы должны лояльнее относиться к подобным людям
я не против узнать их лучше	их реальная опасность для общества гораздо выше, чем нам говорят

2. «Враждебность» – диагностика выраженности негативных когнитивных установок в отношении других объектов;

3. «Гнев» – диагностика выраженности негативных эмоциональных диспозиций, выражающаяся в неблагоприятной оценке других объектов.

Помимо этого использовался опросник ЛА – 44, направленный на исследование проблемы легитимизации агрессии: влияния легитимной в сфере культуры агрессии на динамику агрессивных и насильственных форм поведения, в том числе и делинквентных. С помощью данного опросника также возможно исследование психологических особенностей, которые способствуют активному использованию легитимных в обществе форм насилия и агрессии. Кроме того, ме-

тодика позволяет косвенно осуществлять диагностику склонности к агрессивным формам поведения.

Опросник ЛА – 44 включает в себя следующие шкалы:

- «Легитимизация агрессии в личном опыте»;
- «Легитимизация агрессии в политической сфере»;
- «Легитимизация агрессии в спорте»;
- «Легитимизация агрессии в СМИ»;

5. «Легитимизация агрессии в сфере воспитания», а также интегральную шкалу.

Использованный далее опросник SCL-90-R позволяет оценивать паттерны психологических признаков у здоровых лиц. Опросник состоит из 90 утверждений, отражающих наличие определенных соматических и психологических проблем у респондента. Оценка и ин-

терпретация результатов производится по 9 основным шкалам, которые объединяют определенные группы симптомов: соматизации, обсессивности-компульсивности, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций, психотизм

Результаты проведенного психосемантического исследования

В результате факторного анализа на первом этапе работы выделено 3 фактора, описывающих 94,8% общей суммарной дисперсии.

Обратимся к анализу содержания выделенных факторов. Первый биполярный фактор F1 представляет собой ось семантического противопоставления личностного принятия и непринятия, основанного на собственной системе ценностных ориентаций респондента. В положительный полюс данного фактора вошли утверждения, объединенные по общему основанию непринятия и неодобрения относительно норм поведения, принципов и правил, оцениваемых респондентами, объектов. В целом, это отражение враждебной (т.е. когнитивной составляющей агрессии) позиции опрашиваемых. В состав отрицательного полюса, соответственно, вошли утверждения, касающиеся принятия, понимания и одобрения, что тоже основано, прежде всего, на когнитивной оценке. Оценивание в данном случае основывается на сопоставлении стереотипизированных ценностей и установок объектов (или групп) с собственными морально-этическими и идеологическими установками респондента. Утверждения, составляющие данный фактор, можно объединить по одному общему основанию. В целом, они отражают степень идентификации респондента с предложенными объектами, но не по социальному, религиозному или национальному основанию, а по соотношению идеологических, моральных и этических категорий. Таким образом, данный фактор отражает одну из плоскостей (обозначенную как «личностное принятие или непринятие на основании собственных ценностно-нормативных установок) отношения и оценивания объектов. Первый фактор мы обозначили фактором «Личностного принятия – личностного непринятия». Следует отметить, что, несмотря на отражение в данном факторе категорий, на которых основывается оценивание и отношение респондента, он, в целом, не содержит поведенческой и эмоциональной составляющей. Т.е. в отношении категорий данного фактора речь идет глубоко о процессе пассивной идентификации в системе, обозначенной нами как «Свои – Чужие». Это определенного рода когнитивная плоскость оценивания, относительно собственной позиции индивида. Эмоциональное оценивание и проявление поведенческих установок в данном случае не являются приоритетны-

ми. Утверждения, составляющие фактор «Личностного принятия – непринятия», не содержат рефлексии собственного эмоционального отношения к объектам и поведенческих намерений, связанных с различного рода эмоциями (прежде всего – страхом, отвращением, гневом). Подобные выводы иллюстрируются размещением объектов в пространстве данного фактора, где объекты противопоставляются не столько по основанию эмоциональной оценки, сколько по соотношению ценностных норм. В частности, такие объекты, как «террорист» и «националист», обладают меньшими нагрузками по полюсу личностного непринятия, нежели «мирный» «гомосексуал», который, тем не менее, не соответствует моральным и ценностным представлениям респондента. С другой стороны, практически идентичны по своим весовым нагрузкам и расположению объекта «христианин», очевидно, не столько по национальному и религиозному отождествлению, сколько по основанию идентификации собственной идеологической структуры и ценностных установок респондента с данным объектом. Так же, как и, практически идентичное, расположение объектов «мусульманин» и «атеист», по причине дефицита знаний о данных объектах и, как следствие, их непринятие и непонимание. Тот факт, что религиозная и национальная принадлежность объектов не являются в рамках данного фактора определяющими для оценивания, подтверждает и близкое размещение объектов «иммигрант» и «представитель национальных меньшинств», особенно, учитывая, что не все иммигранты и представители национальных меньшинств «не славяне» и «не христиане». Тем не менее – происходит отождествление и объединение данных объектов по основанию различия менталитета и ценностей объектов и самого респондента.

В отличие от фактора «Личностное принятие – личностное непринятие» фактор F2 несет в себе не столько оценочную, сколько аффективную нагрузку, объединяя утверждения, содержащие эмоциональную и поведенческую направленность. Оценивание объектов основывается не на соотношении собственных и чужих точек зрения и ценностей, а на эмоциях, которые испытывает респондент по отношению к определенным объектам. В частности, утверждения, которые составили положительный полюс данного фактора содержат явно негативную эмоциональную нагрузку, связанную с гневом, агрессией и страхом. В то время как утверждения, вошедшие в состав отрицательного полюса, можно объединить по основанию толерантной, уравновешенной позиции по отношению к объектам, включающей в себя уважение и интерес. В отличие от первого фактора, где все утверждения, входящие в него, объединены по основанию рационального характера выносимых оценок, содержание фактора F2 составили утверждения, где эмоциональная и поведенческая составляющая являются приоритетными. Мы обозначили данный фактор как «Нетерпимость – толерантность,

поддержка». Наиболее негативно по данному фактору оценивается объект «террорист». Следует отметить, что по первому фактору данный объект получил менее негативные оценки, нежели такие, как «националист», «представитель национальных меньшинств» и «гомосексуал». Таким образом, при наличии реакции страха и агрессии по отношению к террористам, они, тем не менее, не вызывают столь сильного неприятия на уровне когнитивной оценки. С другой стороны, негативно респонденты оценивают также такие объекты, как «сотрудник правоохранительных органов» и «националист». При этом объекты, которые по фактору «Личностного принятия – неприятия» оценивались как личностно отвергаемые (такие как «иммигрант», «представитель национальных меньшинств», «мусульманин»), т.е. – не соответствующие системе ценностей и принципов респондентов, по фактору «Нетерпимость – толерантность, поддержка» не содержат негативной нагрузки. Особенно ярко подобные трансформации наблюдаются при оценивании объекта «гомосексуал», который по второму фактору максимально близок к полюсу «толерантность», учитывая, что по фактору «Личностного принятия – неприятия» – он получил крайне негативные оценки. Т.е. понимания и личностного принятия людей с нетрадиционной ориентацией нет, но при этом – они не вызывают сильного негативного эмоционального отношения к себе (прежде всего – страха и презрения). Подобная картина еще раз подтверждает предположение о том, что система оценивания объектов индивида включает в себя как когнитивную, так и эмоциональную и поведенческую составляющую.

Отдельно отметим третий выделенный фактор, в который вошли шкалы, касающиеся отношения СМИ к представленным объектам. Данный фактор униполярен, при этом, в утверждениях, которые вошли в него прослеживается негативная позиция респондентов. Основываясь на утверждениях, которые вошли в данный фактор, можно сделать вывод о том, что он демонстрирует не столько позицию респондента по отношению к объектам оценивания, сколько к самим СМИ, в частности, к их готовности гипертрофировать и утрировать негативную составляющую любой передаваемой информации, в том числе, и о террористическом акте. С другой стороны, выделение утверждений, относящихся к СМИ в отдельный униполярный фактор отчетливо иллюстрирует тот факт, что СМИ представляются в сознании людей абсолютно автономным и независимым объектом, наделенным негативными характеристиками. Это, в свою очередь, подтверждает положение о важности роли СМИ в процессе формирования психологических последствий. Выделенный фактор показывает, что СМИ представляются своеобразным самостоятельным и, главное, негативным «участником» террористического акта. Именно деятельность СМИ в процессе информирования общества о совершенном террористическом акте может способствовать транс-

формации позиции потребителя информации из пассивной в активную, т.е. способствовать изменению статуса пассивного наблюдателя на активного косвенного участника террористического акта. Результатом подобной трансформации может быть стремление к принятию транслируемых форм поведения, идентификация с террористами или формирование агрессивной (вплоть до экстремистской) позиции относительно представителей других разнообразных групп людей. В целом, на последующих этапах исследования внимание данному фактору уделяться не будет, но мы отмечаем его, т.к. неоднозначное отношение к средствам массовой информации, которое он иллюстрирует, проявилось, в том числе, и в результатах анкетирования.

Выделив, таким образом, устойчивую категориальную систему оценивания других объектов, обратимся к анализу динамики самих оценок в зависимости от самого наличия и характера предъявляемого видеоматериала. Предполагается, что наличие видеоматериала и его характер (степень эмоциональности содержания) будет способствовать изменению оценок объектов в указанной системе категорий. Для этого был проведен сравнительный анализ средних значений оценок объектов по факторам до предъявления видеосюжетов и после.

Проанализируем изменения, связанные с оценками объектов по первому фактору «Личностного принятия – личностного неприятия». Заранее следует отметить, что изменения не являются кардинальными (в частности, смена полюса оценивания), но именно подобные незначительные сдвиги в оценивании представляются важными, т.к. в контексте всей работы уже уточнялось, что подобная динамика часто игнорируется исследователями. Но именно она представляет собой базис для формирования не просто стихийной, временной оценки объекта или события, но и устойчивых поведенческих реакций.

Как видно из рисунка 9, наибольшие изменения в оценке коснулись объекта «террорист», что само по себе вполне прогнозируемо. Интересно, что по первому фактору прослеживается положительная динамика в оценивании объекта «террорист». На первом этапе исследования, когда респонденты оценивали предложенные объекты без предварительного просмотра видеосюжета о террористическом акте, «террорист» оценивается наиболее негативно и настороженно с позиции личностного неприятия и непонимания. В то время как после предъявления видеосюжетов разного характера (с официальными комментариями и с рассказами самих заложников) об одном и том же террористическом акте, оценки кардинально поменялись. Особенно важно, что изменилась полюсность данных оценок, а не просто степень. Оценивание сместилось с полюса личностного неприятия на полюс принятия. Конечно, речь не идет о том, что отношение к террористам после предъявления видеосюжета изменилось

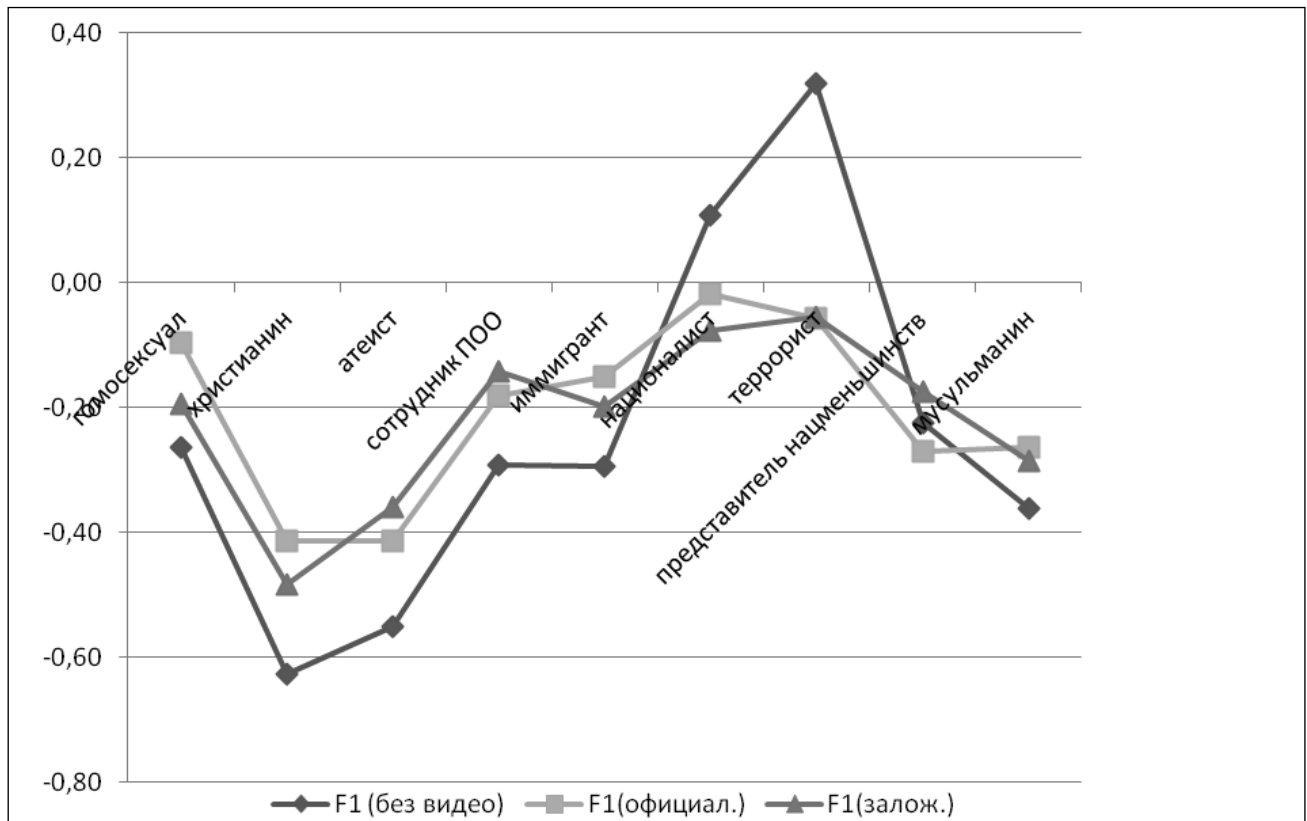

Рис. 9. Усредненные значения оценок объектов по фактору «Личностного принятия – непринятия»

в положительную, одобряющую сторону. Но подобную динамику следует трактовать, как психологическое последствие террористического акта, которое проявляется в процессе идентификации с агрессором, на фоне актуализации страха смерти. В своем стремлении редуцировать страх смерти человек, в том числе, склонен искать в действиях террористов оправдательную мотивацию, пытаться понять причины преступного поведения, придав ему рациональный характер. Подобная рационализация представляется своеобразным защитным механизмом, в том числе – и отсроченным, который помогает косвенным участникам террористического акта (наблюдателям, свидетелям, телезрителям) оперативно восстановить нарушенную, вследствие психотравмирующей ситуации, картину мира, которая предполагает наличие осмысленности дальнейшего существования человека и, главное, подконтрольности своей жизни. И в данной ситуации необходимым условием достижения перечисленных целей как раз и является стремление подробнее и детальнее, без эмоциональной оценки, понять и принять суть происходящего. Именно подобная тенденция нами наблюдается в исследовании. Отметим, что данную тенденцию изменения оценок по отношению к террористам не следует трактовать как положительное последствие, которое,

на первый взгляд, выражается в редукции панических настроений. Дело в том, что данная реакция, во-первых, как правило – временная, а значит – не эффективная. И во-вторых, она предполагает и обратный, негативный эффект. Его опасность заключается в том, что на фоне рационального «псевдопринятия» террориста человек изменяет свое отношение к группам, так называемых, «других», т.е. к объектам, которые являются, с точки зрения человека, носителями альтернативной (или откровенно опасной и враждебной) идеологии, системы принципов и правил. При этом данные группы, объективно, не являются источниками угрозы и опасности, но, тем не менее, следуя положениям ТМТ, начинают восприниматься и оцениваться негативно и даже враждебно. Наблюдаемые в ходе исследования изменения в оценивании других объектов (кроме террориста) не столь значительны, но игнорировать данную динамику неосмотрительно, т.к. при столкновении людей с реально произошедшим терактом (а не просто его демонстрацией в процессе исследования) изменения будут носить более яркий и негативный характер. Очевидным подтверждением подобной позиции являются сильные вспышки ксенофобических настроений в первое время после совершенного террористического акта, которые носят, как правило, временный характер,

иллюстрируя собой описанные выше механизмы идентификации (с одной стороны) и оборонительной агрессии и паники – с другой. Подобная картина наблюдается, в частности, относительно объектов «гомосексуал», «христианин», «атеист», «иммигрант» и «мусульманин». Отношение к ним со стороны наблюдателя террористического акта смещается на более враждебное. Следует отметить, что основанием оценивания данных объектов являются абсолютно разные сферы: от сексуальной ориентации (не содержащей, естественно, никакой агрессивной и экстремистской направленности) до религиозной и национальной принадлежности. Подобная генерализованная враждебность объясняется тем, что в состоянии страха и паники негативно начинают оцениваться не только объекты, напрямую угрожающие безопасности и жизни, но и те, чьи принципы и нормы не согласуются с ценностной системой самого человека. С той лишь разницей, что в нейтральном эмоциональном состоянии они могут раздражать, намеренно игнорироваться, а в ситуации страха – начинают восприниматься враждебно и открыто осуждаться. Страх смерти способствует изменению отношения со стороны индивида не только к различным неформальным группам, меньшинствам и т.д., но и к вполне определенным структурам, наделенным властными полномочиями. В частности, можно проследить изменения в оценивании такого объекта как «сотрудник правоохранительных органов», отношение к которому также становится более негативным. Сама по себе это вполне очевидная реакция недовольства по отношению к структуре и людям, отвечающим за безопасность. Подобная негативная тенденция в совокупности с обратной динамикой отношения к террористам иллюстрирует отчетливо явление, которое среди психологов и специалистов по терроризму получило название «Стокгольмского синдрома», описанного в предыдущей главе.

Обратимся теперь к результатам по второму выделенному фактору «Нетерпимость – толерантность». По представленному графику (рис. 10) с результатами видно, что, как и в предыдущем случае, кардинальных изменений в оценивании объектов не наблюдается. Тем, не менее, выявленная динамика, в целом, подтверждает сформулированную нами гипотезу о том, что при актуализации эмоции страха (прежде всего – страха смерти) оценки имеют тенденцию становиться более радикальными, с точки зрения эмоционального содержания. В частности, если сравнивать оценки по первому и второму факторам относительно объекта «террорист», следует обратить внимание на то, что в первом случае оценка смещается с отрицательного полюса на положительный, но относительно второго фактора ситуация обратная. Оценивание «террориста» после предъявления видеосюжетов о террористическом акте становится более негативным. Т.е., с одной стороны, мы наблюдаем упомянутый уже процесс идентификации (на когнитивном уровне), который и способствует изменению полюсно-

сти оценивания по первому фактору, а с другой – отмечается реакция страха и агрессии по отношению к тому же объекту в оценках по второму фактору. Оба процесса взаимосвязаны между собой, и, представляя замкнутую циркулярную реакцию, иллюстрируют возможные психологические последствия терроризма. С одной стороны, упоминание или восприятие террористического акта приводит к формированию негативных эмоциональных состояний (страха), агрессивных диспозиций по отношению к террористам, но с другой – именно подобные состояния способствуют тому, что с когнитивной плоскости наблюдается готовность понять мотивацию и цели преступника, т.к. это поможет редуцировать негативные состояния.

Следует обратить внимание на изменение оценок относительно объекта «христианин». Они представляются интересными для анализа, т.к. иллюстрируют собой тот вариант психологических последствий, которые в ТМТ были обозначены как «отсроченная» защитная реакция человека, испытывающего страх смерти и находящегося в состоянии повышенной тревожности в силу резкого нарушения плановости и подконтрольности своего существования. Если по первому фактору наблюдаются изменения в отрицательную сторону, которые можно интерпретировать как процесс дистанцирования (как светского человека) от объекта, носителя религиозных (субъективно воспринимаемых как ортодоксальные) атрибутов, то по фактору «Нетерпимость – толерантность» наблюдается обратная тенденция. Она заключается в том, что напуганный и встревоженный человек в своем стремлении защитить себя и свое мировоззрение, а значит – восстановить нарушенную «картину мира», обращается к отсроченной, «экзистенциальной» защите. А она заключается в формировании лояльной, одобрительной позиции по отношению к религиозным догматам и их носителям, в попытке через подобную идентификацию восстановить уверенность в осмысленности своего дальнейшего существования.

Основываясь на полученных результатах данного этапа исследования, можно сделать вывод о том, что в системе оценивания «Свои – Чужие» следует выделять три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. С другой стороны, сама система не является константной в плане оценок, изменяясь как в положительную, так и отрицательную стороны, в зависимости от степени эмоциональности и детальности информации, передаваемой СМИ, о террористическом акте.

Результаты психологического исследования

Описанные явления, согласно классификации западных террологов и психологов, относятся к последствиям социального характера, нежели – личностно-

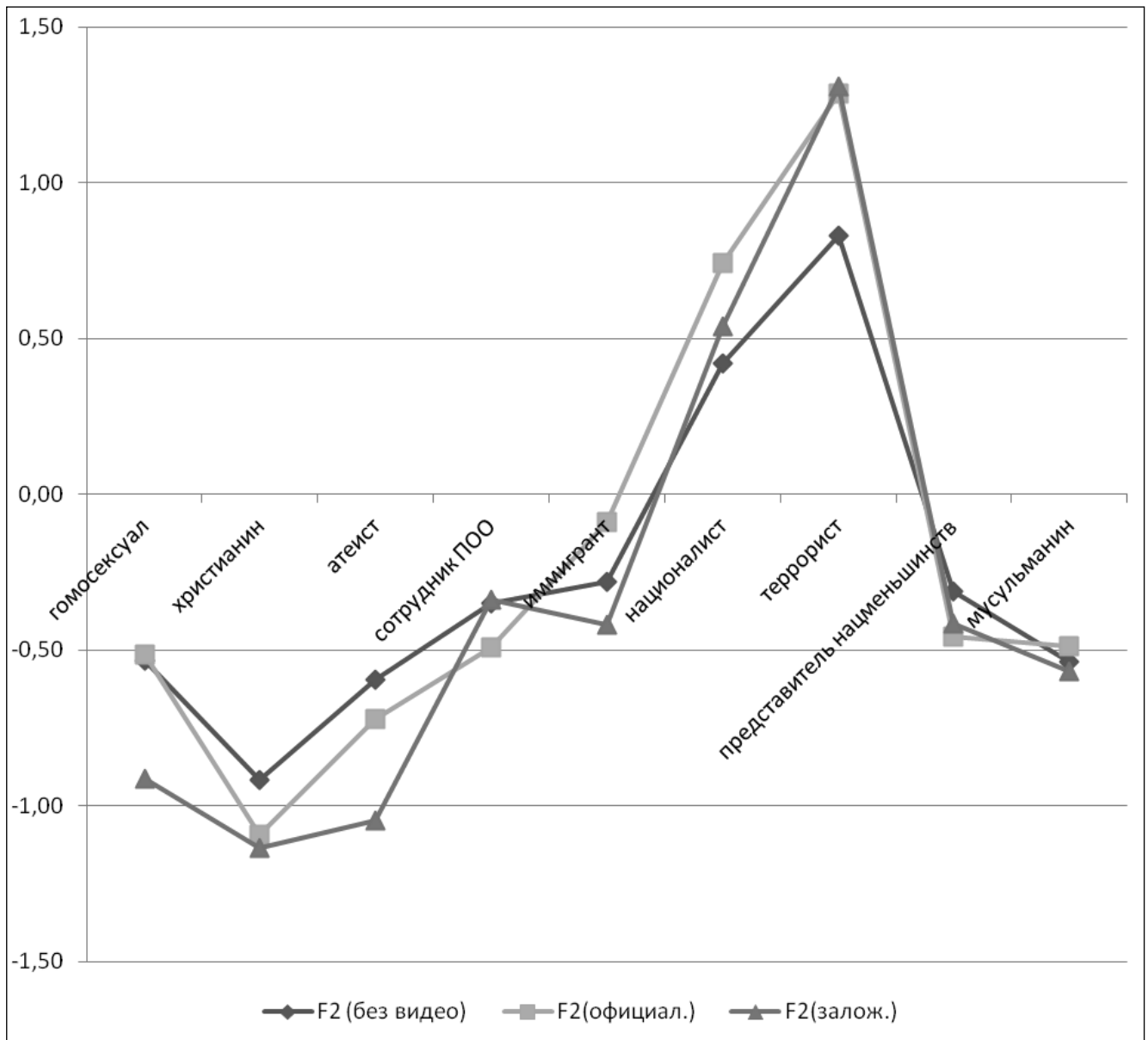

Рис. 10. Усредненные значения оценок объектов по фактору «Нетерпимость – толерантность, поддержка»

го. Детерминация подобных явлений невозможна без наличия психологических последствий террористического акта на личностном уровне. Прежде всего, речь идет о формировании ПТСР (или псевдо-ПТСР, как его предлагают рассматривать различные специалисты в области психологии терроризма, когда речь идет о воздействии террористического акта на телеаудиторию или наблюдателей). Психологические последствия терроризма могут наблюдаться не только на уровне социального, общественного и проявляться в изменении системы отношения и оценивания различных групп и

общностей. Не менее значительно последствия проявляются и на личностном уровне, вызывая изменения в психологическом (и психическом) статусе наблюдателя, в его эмоциональной сфере, в поведении и реагировании. Для того чтобы проследить подобные последствия, обратимся к анализу данных, полученных в результате использования психологических методик.

Проанализируем данные, полученные по методике SCL – 90.

Нами выделены статистически значимые различия в полученных результатах по всем шкалам методики,

кроме шкалы «Враждебность» («HOS»). Интересно отметить, что наиболее высокие результаты были получены в группе, которая перед заполнением методик просматривала видеосюжет, содержащий показания и комментарии различных официальных лиц, и минимум травмирующих сцен и интервью бывших заложников.

С другой стороны – наименьшие показатели выявлены в группе, которая просматривала видеосюжет, эмоционально насыщенный. Подобный результат, на первый взгляд, можно оценить как достаточно неожиданный, т.к. он противоречит закрепившемуся мнению о том, что сцены, содержащие насилие, негативно влияют на психологическое состояние и поведение наблюдателя. Но дело в том, что террористический акт, по своей специфичности и по спектру последствий, как, впрочем, и механизмов, которые их детерминируют, следует выделять в особую категорию актов насилия. Соответственно, и специфика трансляции террористического акта отличается от трансляции, допустим, художественных фильмов со сценами насилия или «бытовой» криминальной хроники, которая носит обыденный характер и не воспринимается как нечто резонансное и шокирующие. Но, когда речь идет о трансляции новостей о террористическом акте, то сам факт наличия в сюжете сцен насилия перестает играть роль наиболее существенного фактора формирования негативного психологического состояния и девиантного поведения. Первостепенными становятся другие характеристики сюжета, подробно о которых упоминалось в первой части работы. В частности, речь идет о степени эмоциональности и подробности транслируемого материала, а также о персоналиях, которые упоминаются в нем или их комментарии, лежащие в основе всего сюжета.

Отметим очевидные признаки ПТСР у респондентов в группе, которая просматривала сюжет, содержащий официальные комментарии. Наиболее высокие показатели наблюдаются по таким шкалам, как: «Межличностная сензитивность», «Депрессия», «Тревожность» и «Фобическая тревожность». Люди с подобными показателями характеризуются чувством личностной неадекватности и неполноценности, испытывают ярко выраженный дискомфорт и стойкую реакцию страха в процессе общения с людьми, т.к. в ситуации коммуникации постоянно прогнозируют негативный исход взаимодействия. В таком состоянии им свойственны иррациональные приступы паники, основанные на ощущении вероятного насилия, что приводит к формированию стойких фобических состояний и ограничительного поведения.

Полученные результаты подтверждают выдвинутое предположение о том, что не только сам факт наличия видеосюжета способствует формированию ПТСР у телезрителей. Степень проявления посттравматического синдрома зависит от характера и содержания новостных передач о террористическом акте. Подчеркнем еще раз, что транслируемые сцены о террористиче-

ском акте по своему влиянию (в силу специфичности преступления, его новизны, неожиданности и резонансу) кардинально отличаются от сюжетов, содержащих сцены насилия иного рода. Именно подобная специфичность и формирует ту динамику личностных психологических последствий, которую можно наблюдать по результатам проведенного исследования. Т.е., наличие изображения жертв и последствий террористического акта, так же, как и самих террористов и других непосредственных участников травмирующего события ведет не к усилению, а, наоборот, к редукции таких определяющих симптомов посттравматического стресса, как тревожность, фобические состояния, депрессия. И связано подобное изменение с тем, что с помощью эмоционально насыщенной трансляции, передаваемой через СМИ зритель удовлетворяет резко возникающую потребность в подробной информации о произошедшем, т.к. именно первоначальный ее дефицит, как, впрочем, и намеренное искажение (цензура), пренебрежение подробностями (со стороны сотрудников СМИ и представителей властных структур) усугубляет панические настроения и, соответственно, приводит к формированию фобических состояний, в т.ч. и к страху смерти. Дело в том, что отсутствие в репортажах подробностей начинает трактоваться напуганным зрителем не как желание со стороны государства избежать паники, а как намеренное искажение и сокрытие. А это приводит не только к ухудшению личного психологического состояния зрителя, но и к формированию негативной и подозрительной позиции по отношению к внешним объектам, в т.ч. и к представителям властных структур, а значит и к государству в целом. И дальше начинает развиваться цепная реакция паники, агрессии и т.д. А одним из звеньев подобной реакции становится хаотический поиск любой информации о происшествии. И в данном случае, наблюдатель начинает обращаться к непроверенным источникам. А точнее – пользуется слухами и мифами, которые незамедлительно возникают на фоне дефицита официальной информации, что, естественно, еще больше усугубляет негативное состояние, увеличивая вероятность поведения агрессивного, девиантного характера. Это наглядно представлено результатами проведенной методики диагностики агрессии Басса – Перри.

Здесь наблюдается тенденция, которая заключается в том, что уровень агрессивных диспозиций значимо выше у тех респондентов, которые в ходе исследования просматривали видеосюжет, максимально нивелированный, с точки зрения эмоциональности содержания и детальности. С той лишь разницей, что предыдущие измерения демонстрировали формирование личностных негативных состояний, а в данном случае можно констатировать, что на фоне уже указанных изменений образуются и агрессивные поведенческие диспозиции в совокупности с аффективным и когнитивным компонентами. Т.е. телезритель уже не просто находится в

состоянии страха и паники, но и готов к агрессивным действиям (в том числе, и защитного характера). Следует отметить, что подобные действия уже не будут носить характер хаотичных и диффузных. В силу наличия в них аффективного и когнитивного компонентов они трансформируются в целенаправленное девиантное поведение, потенциальными жертвами которого станут, конечно же, не сами террористы, а любые другие группы людей, не совпадающие в своих взглядах, принципах или внешнем виде (начиная от цвета кожи и заканчивая манерой одеваться) с агрессором. Это, в свою очередь, приводит к формированию уже масштабных ксенофобических, националистических и антигосударственных позиций, настроений и взглядов.

Следует отметить, что статистически значимые различия (на уровне $p \leq 0,05$) выявлены только относительно таких компонентов, как «Физическая агрессия» и «Гнев». Что же касается когнитивного компонента «Враждебность» – различия отсутствуют. С одной стороны это не позволяет нам полностью принять нашу гипотезу о наличии различий как верную, но с точки зрения психологической, подобная картина не лишена смысла. Если обратиться к результатам предыдущей методики SCL – 90, то можно заметить, что и показатели по шкале «Враждебность» (Hostility – HOS) не имеют статистически значимых различий. Из подобной картины можно сделать опосредованный вывод о том, что, несмотря на разницу в эмоциональной насыщенности и детальности предъявленного, респондентам разных групп, видеоматериала, его восприятие на когнитивном уровне, в целом, идентично. Т.е. – объем информации, необходимый для редукции или стабилизации (что тоже немаловажно) негативных враждебных установок, а также формирования пластичного (как его называют специалисты RC) защитного поведения практически не зависит от такой характеристики видеосюжета, как его эмоциональная насыщенность. Но, при этом, именно данная характеристика позволяет редуцировать другие (вышеперечисленные) негативные состояния и диспозиции субъекта. В связи с этим следует отметить, что в нашем исследовании сами показатели уровня агрессии респондентов, так же, как и показатели по шкалам методики SCL – 90 (нахождение в пределах нормы или выше) не являются столь важными как их динамика, которая наглядно иллюстрирует влияние различных типов демонстрации сцен терроризма на формирование девиантных форм поведения, как одного из наиболее опасных последствий данного вида преступлений.

И опасность заключается, прежде всего, в том, что агрессия начинает приобретать генерализированную форму. Подобная тенденция приводит к ее устойчивой фиксации в личностной системе человека, т.е. агрессия приобретает черты легитимной формы поведения, что наглядно демонстрируют результаты, полученные по методике ЛА – 44. В данном случае наблюдается

тенденция, схожая с показателями по предыдущим методикам. Наименьшие показатели отмечены у группы респондентов, которые просматривали видеосюжет, основанный на интервьюировании заложников, содержащий кадры хроники с места событий во время захвата школы и т.д.

Нами выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по шкале «СМИ». Это важный результат, который демонстрирует значительную степень влияния СМИ на процессы легитимизации агрессивного поведения и насилия у наблюдателя. И если снова обратиться к результатам факторного анализа, описанного выше, можно отметить уже упоминавшийся нами выделенный третий фактор, объединивший в себя негативные утверждения, касающиеся СМИ. Оба данных результата отчетливо иллюстрируют существенную роль СМИ в формировании отношения к терроризму, так и в процессе легитимизации агрессии. Это позволяет сделать вывод о том, что вопросы, связанные с проблемой трансляции новостных репортажей о террористическом акте, а также нахождении ее оптимальной формы (с точки зрения редукции негативных последствий терроризма) не являются праздными для психологии, обосновывая тем самым вектор исследований в данном направлении.

В рамках же данной части работы, в качестве вывода следует отметить, что по всем трем проведенным психологическим методикам можно заметить следующую общую тенденцию. Самые высокие показатели, как по методикам в целом, так и по их отдельным шкалам, наблюдаются при предъявлении видеосюжета с официальными комментариями, а наименьшие результаты – при предъявлении видеосюжета с интервью с заложниками. Подтверждается наша гипотеза о влиянии СМИ информационного сюжета на выраженность психологических последствий (в т.ч. и отсроченного характера) террористического акта.

В процессе проведения исследования мы выделили группы испытуемых с ярко выраженными психологическими особенностями (высокий уровень тревожности, агрессивности, враждебности и т.д.) для проверки их влияния (помимо самого видеосюжета) на формирование перечисленных выше социально-психологических последствий. Но анализ полученных данных не выявил значимых результатов (в т.ч. и с точки зрения статистической достоверности). Это позволяет сделать вывод о том, что даже при наличии ярко выраженных психологических особенностей, когда речь идет о трансляции информации о чрезвычайных ситуациях, приоритетная роль в процессе детерминации социально-психологических последствий отводится именно СМИ. Подобный результат существенно повышает значимость и актуальность проведенного исследования, подтверждая наличие влияния характеристик репортажей о террористическом акте на процесс формирования последствий. Конечно, психологические особенности, в

различной степени, способны определять характер и степень проявления последствий у индивида. Однако проанализировать индивидуальные психологические особенности массового зрителя в режиме трансляции – процесс практически невыполнимый. Но учитываемая степень влияния самого транслируемого материала (и первостепенность такого влияния, как показало наше исследование), у работников СМИ, при участии экспертов-психологов, существует реальная возможность контроля (редукции) негативных психологических последствий террористических актов, даже при наличии фактора индивидуальных психологических особенностей.

Выводы

В процессе оценивания и идентификации себя с другими объектами человек использует трехкомпонентную систему (когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты), обозначенную как «Свой – Чужой», которая позволяет максимально оперативно редуцировать актуализировавшийся страх вследствие упоминаний о смерти и собственной уязвимости. Оценивание и идентификация происходят в когнитивной, аффективной и поведенческой плоскостях.

Предложенная категориальная система оценивания носит инвариантный характер, но, при этом, степень оценки и идентификации зависит от выявленных характеристик транслируемой информации. Отметим также, что изменение в оценивании затронет не только объекты, отождествляемые наблюдателем с террористами, но и другие объекты и группы, отличные от субъекта по своей ценностно-нормативной системе и другим основаниям (религиозные принципы, национальные черты, сексуальная ориентация, профессиональная принадлежность).

На степень выраженности посттравматического стрессового расстройства и связанных с ним негативных состояний существенное влияние оказывают такие характеристики репортажей о террористическом акте, как подробность, наличие рассказов пострадавших, очевидцев террористического акта и официальные комментарии.

Демонстрация видеосюжетов о террористическом акте разной степени подробности и содержания существенным образом определяет степень выраженности готовности субъекта к агрессивному поведению, а также принятие (легитимизацию) девиантного поведения, наблюдаемого в СМИ.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что для эффективного противодействия столь опасному и серьезному явлению современности, как терроризм, недостаточ-

но обладать знаниями только о дифференциации терроризма, его целях и т. д. Необходимо рассматривать данный вид преступлений и с точки зрения его психологических и социальных последствий для человека и общества, таких как легитимизация агрессивного и насильственного поведения, принятие террористической идеологии и т.д. Но, между тем, простая констатация и перечисление подобных последствий также не является панацеей в процессе противодействия, как самому терроризму, так и распространению его негативного психолого-социального влияния. Как показано в данной работе, чрезвычайно важным и актуальным является вопрос о взаимосвязи СМИ и негативных последствий терроризма, а также роли СМИ в процессе их контроля и редуцирования. Также следует отметить, что объектом изучения должны стать небольшие референтные группы (чаще — молодежные, неформальные), носители не столь радикальных антитеррористических взглядов, как у большинства в обществе. Но они, в силу своей немногочисленности и нестабильности, как правило, игнорируются социологами и психологами. Именно эти группы представляют особый интерес для террористов, которые рассматривают их в качестве среды для поиска новых членов, а также как основу для формирования положительного отношения и почву для распространения протеррористических взглядов и позиций.

Одной из ключевых проблем является не сам факт формирования определенного отношения к террористам, а то, что само по себе подобное отношение не является стабильным. Оно подвержено изменениям, в т.ч. и весьма кардинальным, смещаясь от негативного полюса к позитивному, способствуя, тем самым, формированию девиантного поведения и различных негативных состояний. И одним из самых значимых факторов, способных влиять на подобные изменения, является процесс взаимодействия СМИ и общества. Именно данные аспекты исследований в области психологии терроризма и экстремизма представляются нам как чрезвычайно перспективные и актуальные на данный момент.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что сама по себе трансляция информации о террористическом акте не является причиной формирования девиантных форм поведения и развития негативных психологических последствий. Как и любая информация, содержащая негативный контекст, трансляция событий, связанных с террористическим актом, способна влиять на личность наблюдателя (как позитивно, так и негативно, что и было проиллюстрировано в настоящей работе). Но степень и направленность подобного влияния определяется не самим фактом трансляции, а ее отдельными характеристиками. В частности, как показано в нашем исследовании, к подобным характеристикам следует отнести степень подробности и детальности информационного сюжета, специфику комментариев, а также – образ коммуникатора.

Подобные выводы представляются значимыми и практически применимыми в самых различных областях профессиональной деятельности, непосредственно или косвенно связанной с противодействием терроризму, начиная средствами массовой информации и заканчивая правоохранительными органами. С одной стороны, понимание механизмов влияния новостных репортажей на реакции со стороны наблюдателей способствует нахождению оптимального формата (в плане предъявляемого сюжета, его содержательной и эмоциональной составляющих) взаимодействия СМИ и общества. При

этом, целью подобного взаимодействия должно являться не просто информирование о произошедшем террористическом акте, но и формирование среди населения эффективных сценариев реагирования в экстремальных ситуациях, с минимальными негативными последствиями преступления. С другой стороны, анализ самих негативных последствий (ряд которых способен трансформироваться в антисоциальные формы поведения) представляется необходимым условием эффективной профилактической и контртеррористической деятельности со стороны правоохранительных органов.

Библиографический список использованной литературы

- Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм – Еврознак, 2002 г. — 512 с.
- Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001 г. — 352 с.
- Галкин К.Ю. Психические расстройства у лиц, перенесших террористический акт в городе Волгодонске 16 сентября 1999 года (клиника, динамика, систематика): Дис. ... канд. мед. наук. Ростов-на-Дону, 2004. — 202 с.
- Ениколопов С.Н. Психологические проблемы терроризма //Сборник: Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма (2-я Междунар. Конференция)/ Всемирный Антикриминальный и Антитеррористический Форум.- М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2004. — С. 208-211
- Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. — 2004. — №6 — С. 73—81.
- Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. — №1— 2001 г. — С. 60 — 72
- Ениколопов С.Н., Мкртычян А.А. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии. — №3 — 2008г. — С. 71 — 80.
- Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. — 2007 г. — №3 — С. 41 — 67.
- Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Проблема легитимизации агрессии в юридической психологии // Материалы конференции по юридической психологии, посвященные памяти Коченова М.М. Ч. I. М.: МГППУ, 2005. С. 20 — 22.
- Мкртычян А.А. Психологические последствия терроризма и СМИ. // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXII — М.: Институт социологии образования РАО, 2009. С 53 — 84.
- Мкртычян А.А. Терроризм и средства массовой информации: эмоциональное воздействие сцен насилия. // Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XV. Вып. XXVI — М.: Институт социологии образования РАО, 2011. С 232 — 247.
- Собкин В.С., Ениколопов С.Н., Кропачев В.Н. Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму// Толерантность в подростковой среде. Труды по социологии образования Т. IX, выпуск XVI, под ред. Собкина В.С. — М., Центр социологии образования РАО, 2004 г. — С.115 — 131.

Редакция: 125047, Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 26. Тел.: 8(499) 250-38-08, тел/факс 250-23-06.

E-mail: rnp@narkom.info. Интернет-версия: <http://narkom.info>

Напечатано в ООО «Красногорская типография» (143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2).

Учредитель: некоммерческая организация – Благотворительный фонд реабилитации больных наркоманией.

Бюллетень зарегистрирован в Минпечати РФ. ПИ № 77-1635 от 10 февраля 2000 г.

Объем 2 п.л. Заказ . Тираж 20000 экз.

Издатель А. Алексеев. Верстка Л. Горлачев, корректура Н. Курбет.

Подписан в печать 27.11.2015. Цена свободная. При перепечатке материалов ссылка на Бюллетень обязательна.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям России.